

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Таня ушла

Россия не слышит ни детского плача, ни материнского

Никита, Татьяна, Максим. Февраль 2022, перед приговором трибунала Никите. Фото: семейный архив

17:13, 13 октября 2026,

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ
ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ
ГАЗЕТА»

Штаб по спасению детей располагался в доме Тани, для невеселых разговоров там и собирались. Татьяна была крестной матерью Никиты, вместе с Анной растила его с пеленок. И если Анна теперь каменела в горе, несла его как двужильная (ей и дальше нести — больше некому), то Таню эта беда расщемляла, топтала, размазывала. Она не могла себя собрать обратно.

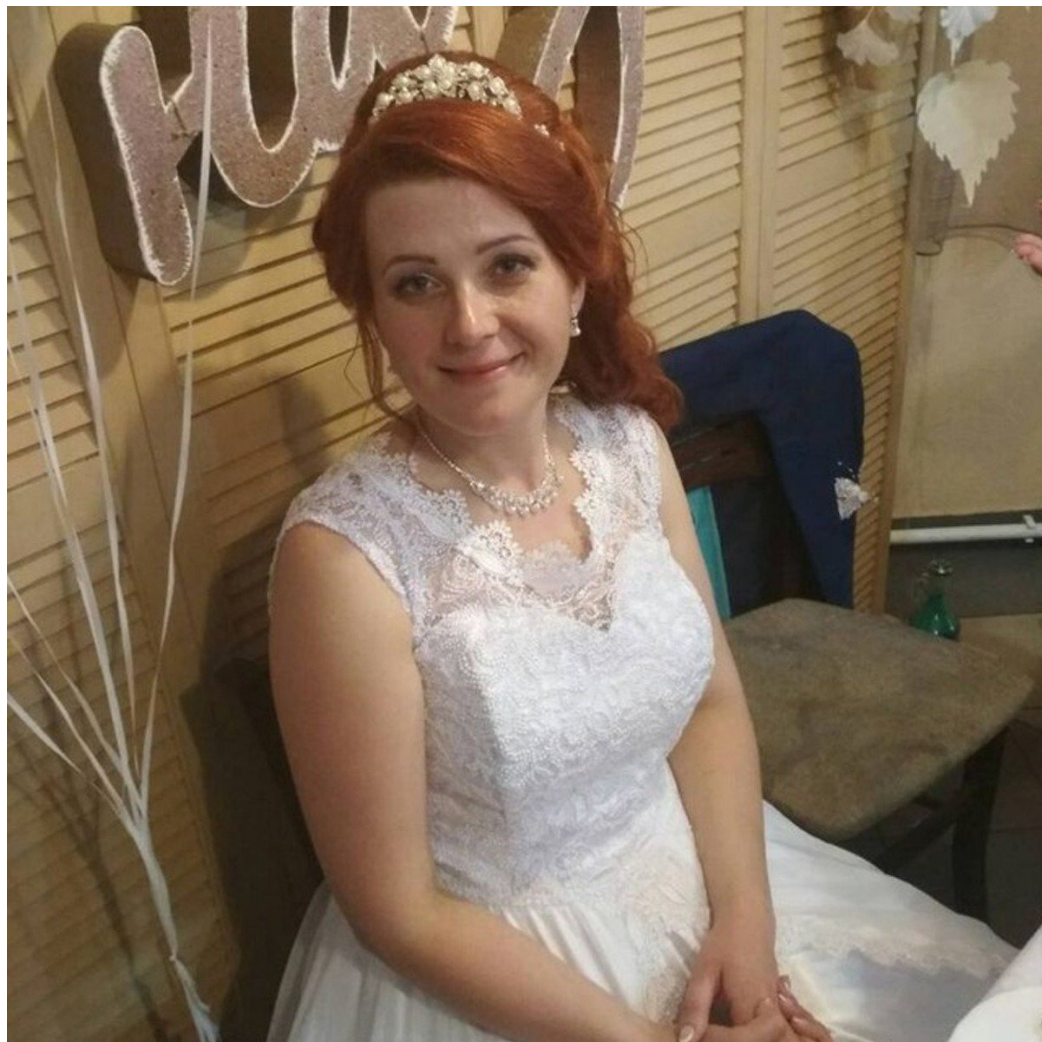
Вроде крепкая, из деревни родом, за рулем всегда, открытая жизни, свой магазин, свой и большой, по уму устроенный дом, надежный муж... А не смогла.

И ушла из жизни. Ей было сорок два. Татьяна Уварова, мама Максима, и младшая сестра Анны, матери Никиты Уварова, главного героя «дела канских подростков-анархистов». Так-то и у Никиты, и у Максима, по сути, всегда (до 12 октября) было две матери.

Никиту бросили в тюрьму в 14 лет, а Максим был еще младше, иначе бы и он загремел — именно он начал операцию по спасению брата, рассказав в соцсетях, что происходит, и поделившись контактами.

Многолетняя операция потерпела крах: Никита так и сидит, никто его выпускать не собирается, заведено новое дело.

Когда ведут подсчеты людей, сидящих сейчас за свои, расходящиеся с линией партии и правительства убеждения, хорошо бы помнить, что трудно быть зэком. Но еще трудней — его матерью. Матерью ребенка, взрослеющего в тюрьме.

Таня. Фото: семейный архив

Последние перед трагедией дни, недели и месяцы — всё то же, с чего история начиналась в 2020 году: Таня воем воет в присутственных местах — ни Анне, ни ей не давали и вновь не дают ни свиданий с Никитой, ни звонков.

Зимой 2020/2021 я впервые оказываюсь в доме Тани.

— Сейчас я Никите никто. В СК отказывают без разговоров, пошла в суд проситься хоть бочком постоять, когда стражу

продляли, сказали: здесь не комната свиданий.

И Таня перекидывает мне аудиофайл: она в коридорах канского следкома. Это нечеловеческий вой. Материнский. Потом можно разобрать: «Мы же люди!» И снова рыдает взхлеб.

Представляете: ребенок, домашний парень, никакая не шпана — в тюрьме, а матери просто не дают ни свиданий, ни звонков, ничего. И ничего, никак, никому не объясняют. Что уж она, всего лишь тетя ему.

От Тани активно избавляются, она не сдается.

— Оставайтесь с богом... Простите ради бога...

И вот уже 2026 год, когда Никите за неделю до выхода на волю предъявляют новое обвинение — участие в деятельности экстремистской организации АУЕ*. Но это происходит уже в Красноярске, и Никита уже совершеннолетний, и в суд, избирающий меру пресечения, допускают слушателей. В том числе Таню с Максом. Таня заходит, видит в «аквариуме» Никиту и не может сдержаться, рыдает — сначала тихо, потом навзрыд. Ее никто не успокаивает, сама со временем затихает.

А Анне дадут войти лишь потом, под конец заседания — ей уже придали статус свидетеля, причем обвинения, и она не может присутствовать на суде, пока не вызовут.

Проведя допрос Анны, судья удаляется в совещательную комнату. Перерыв, и Таня снова рыдает. Она подходит к «аквариуму». Анне, тоже было дернувшейся, запрещает приближаться и разговаривать с сыном следователь. Подходит

к брату за стеклом и Максим. Его хватает ненадолго — тоже ревет. Анна плачет безмолвно.

Сотрудники ФСБ в гражданском, конвоировавшие Никиту, сохраняют хладнокровие. Таня:

— Когда уже это кончится, господи?! Сколько можно издеваться над нами, кровь пить?! Господи, есть ли ты?!

Таню трясет, но она все же собирается:

— Не обращайтесь внимания, это нервное, это истерика, я обычно не такая... Успокаиваемся, живем дальше.

И снова подает заявление следователю на свидание с Никитой (откажут, как и матери; всё, как шесть лет назад).

Никита Уваров. Спиной Максим и Татьяна. Советский райсуд, 12 марта. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

И потом — новые суды, продляющие стражу, приезды в красноярскую тюрьму с Анной для того, чтобы собрать и передать Никите продукты, одежду, книги. Действительно:

обычно она не была «такой», обычно не рыдала, терпела.

Только в самое последнее время потерялась, ходила и всё твердила, что мы должны что-то делать, «как-то Никитку вызывать».

Пока были живы ее с Анной мать и отец, дед и бабушка Никиты и Макса, еще держалась — они переехали в дом к Тане. Мать уходила тяжело, долго болела. Таня ухаживала.

Заключение Никиты их всех подкосило, возвращения внука дедушка с бабушкой не дождались.

Танины горе и страдания смогли прожить шесть лет до того, как стать невыносимыми. Всё. Добили и растоптали.

* * *

Тане бы не понравилось, что говорю о ее слезах. Она бы предпочла говорить о причине этих слез.

В позднем СССР великий советский гуманист Евгений Богат констатировал «этическое достижение века» — то, что мы теперь слышим детский плач. Это было общее достояние человечества, и наше — тоже.

И мы чувствовали что-то вроде: давай, человечество, ты всё больше походишь на нормального человека, растешь, мы потерпим. Так было. А потом что-то случилось.

Что такое с нами случилось, что мы так окрысились на детей?

Не войти в их ситуацию, в их мотивы, не попытаться их понять. Нет, закатать по полной, размотать на всю катушку. Какой уж там плач, какая цена у слез...

Почему непременно к одному идеалу устремлено —

балабановскому «Грузу 200», где мент сам насиловал подручными средствами советскую страну и за свои подвиги по ее спасению сам себе ставил звездочки?

Никита, Татьяна Уварова и Макс. Еще все на свободе и живы. Фото: семейный архив

...В 2020-м в пятом городке Канска — редкие машины во дворах, торчащие обрубки старых тополей, коммуникации вынесены наружу, толстые утепленные трубы. Даже птицы и собаки летают и бегают растерянные и бесцельные. Запустение.

Обхожу дом, вдруг откуда-то доносится мелодия Эдуарда Артемьева из «Сибириады». Несмотря на аранжировку современных электронщиков, совершенно узнаваемая. Из моего отрочества.

И так пробрало от удаляющейся спины старика в пальто, от мыслей о детях в тюрьме, от погорелого этого Канска, низкого

белого неба и летящей этой мелодии из утонувшей страны, из времени, которого не вернуть... Будто вот мне всё и пояснили. Я, помню, остановился и стоял.

Вечером найду эту мелодию и буду переслушивать: главная тема «Сибириады», она же «Поход», она же — изначально — «Смерть героя» (на французском виниле, выпущенном в 1979-м), в YouTube миллионы просмотров, тысячи комментов.

— У меня одного эта песня ассоциируется с детством? Хочется ее вспомнить; ты не знаешь, откуда она, но она знакомая...

— «Спейс», «Зодиак», карбид, селитра, мечты. Детство, космос. Главная ассоциация — с пустынным неизведанным миром, чернотой. В общем, мурашки по телу...

— Мне четыре года, Советский Союз, собирались в садик, и по телику или радио играла эта мелодия...

Где все те люди? Куда они делись?

И именно тогда понял: из того, что слышу в Канске — под летящую над погорелым городом мелодию Артемьева, — упорно и складывается та же самая «Сибириада», структура того циничного и великого фильма Кончаловского конца 70-х прошлого века. Только ГЭС построили, затопив всё кругом, немного северней. Другую ГЭС — немного восточней. И еще одну — западней. А пожар уничтожил не деревню — город. Ну и в «Сибириаде» вселенский пожар происходит перед финалом, а Канск горит с дурной периодичностью, и финала не видно.

И потом, в каждый свой приезд в Канск, обнаруживал, что, как ни крути, в основе этой истории, как в «Сибириаде», — две семьи, два рода. Породнившихся через Таню и Дмитрия. Из одной типичной сибирской деревни Рудяное в 50 км от Канска, откуда Уваровы родом. И тем, кто не верит ни в какой

античный рок, — вот, штрихами, судьбы этих двух родов. Типичных в России. Не судьбы даже — финальные довороты, последние мазки.

Когда работы в Рудянном не стало, старший брат Тани и Ани ездил в райцентр, в охрану устроился. Уже был женат, дочке три года. И жена заперла девочку дома одну, пока муж на работе, — пошла с подругами гулять. Утюг потом нашли на поролоновом кресле — оно и задымило. Дочке было просто не выйти. Задохнулась в дыму. Вырубило всю проводку, в темноте девочка бегала, рвало ее — потом следы, как убежать пыталась, остались всюду.

Ее отец, брат Ани и Тани, всё корил себя. Через пять лет нашли в гараже, в машине. Та же смерть — задохнулся.

Когда придут за Никитой, изымут жесткий диск из дома Анны, на нем — единственные последние фотографии ее брата.

Татьяна, Анна, Максим. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Родною со стороны Димы, мужа Татьяны, я увижу сразу: в первый свой приезд попаду на 18-летие его племянника. Отец Паши перед этим погиб, вылетев на мотоцикле под машину. Потом умерла бабушка Паши, перестав есть и сильно сдав после смерти сына. Сам Паша доучится в Канске, живя в доме Дмитрия и Татьяны — в день его 18-летия Таня внесет торт и скажет ему, чтобы не мотался в деревню, а жил у них. Таня у Паши, как и Никиты, — крестная.

Начнется СВО, Пашу призовут в армию, он тут же подпишет контракт. К тому моменту там уже будут находиться дядька, двое братьев. Пашу убьют под Авдеевкой.

Катя (его мать) с Анной были одноклассницами. Они будут долго стоять во дворе в Рудянном под падающим снегом, курить, и Катя скажет: «Черная полоса...» Черная полоса непосредственно для Кати пошла со смерти Васи, еще одного родственника 14 лет, племянника: сентябрь 2022-го, воскресенье, все копали картошку, и Вася помогал. Пошли на обед, он отказался, к друзьям отправился. Вечером, всё выкопав, вернулись. А Вася так и не появился. Начали разыскивать, что-то неладное в этом всём чувствовалось. Катя первой увидела тело в яме, заброшенное ветками. Всё выяснили быстро: Вася пошел с 12-летним приятелем пострелять по банкам или воронам. Тот взял дедово ружье. Пуля попала Васе в лицо. Приятель позвал брата, и они оттащили тело в яму, забросали ветками.

Черная полоса, сказала Катя. Притекание к смерти уже само собой происходит, это заразно, это магнитит, втягивает, тащит по инерции. Истребление и самоистребление.

Вот только с того ли нелепого выстрела?

Максим, сын Тани и двоюродный брат Никиты, — не от Димы. От Андрея: вернулся, отслужив в армии, зажили с Таней, устроился в магазин бытовой техники «Парнас» в райцентре. Персонал накручивал ценники втайне от хозяина, а когда это вскрылось, свалили на Андрея. Хозяин вышвырнул его и не позволял устроиться ни на какую другую работу. Андрей запил, с Таней и Максом расстались, перед смертью пил вместе с матерью, сначала она умерла, потом, через две недели, — он.

Черная полоса, говорила Катя, и она говорила про весь их большой род, возможно, про их породнившиеся семьи, если не всю страну, когда мы, засыпанные снегом, заходили в дом. Она это говорила под фотокарточкой на стене — Паша на призывном пункте. И она говорила это и смотрела на своего младшего сына, 13-летнего Ярика.

Катя говорила так, думая, что полоса на то и полоса, чтобы однажды закончиться. Когда?

Но это не политическая и не социальная жизнь, это действительно чистая «Сибириада», жизнь природная, неорганическая химия, физика века XVII, в ней вопросы и ответы: бросаешь камень в воду — какое-то время по ней идут круги. Должно прекратиться.

«Сибириаде» дали Гран-при Каннского кинофестиваля 1979 года, Анне тогда два года исполнилось. Таня еще не родилась, она с 1983-го. В сибирском Канске мы ездили по памятным местам Канского видеофестиваля (он проводился в прошлые десятилетия, съезжалась творческая молодежь из столиц): декорации проверить-посмотреть, в которых прежде бегали дети. Детей — вырасти не успели — пускают в расход. Декорации-то стоят на месте?

Канская пальмовая аллея. Фото: Алексей Тарасов / «Новая газета»

Пальмовая аллея — из говна и палок — стоит, остальное порушили. На одном из фестивалей на канской стене художник Владимир Абих выложил шрифтом Брайля неожиданное здесь слово «нежность» — силиконовыми формами в виде женских сосков. «Нежности» больше нет. Или была вот его же констатация — тоже на глухой канской стене, но самым строгим шрифтом: «Вам здесь жить». И: «Хоть на стену лезь». Последнее — под пожарной лестницей, ведущей на крышу.

* * *

Учитывая историю «Сибириады», не удивился, что именно французов первых заинтересовала канская история, в Красноярск прилетел корреспондент Le Monde в Москве Бенуа Виткин, задавал умные вопросы, уехал в Канск, и именно Паша, который потом, совсем скоро, уйдет на СВО, попал на обложку журнала M, Le magazine du Monde с подписью «Поколение Навального». Та обложка стала постером, он висел до Пашиного призыва в доме Тани, Димы и Макса, где Паша жил. Тогда же Никиту ненадолго — до приговора — выпустили из тюрьмы,

Никиту посадят окончательно в феврале 2022-го, за две недели до СВО, а Павла Жевнеровича осенью 22-го призовут в армию. Осколок войдет ему в спину и, пройдя насквозь, пригвоздит к земле. На обложке французского журнала он от земли оторвался. И завис. Он там подтягивается на канском бескрайнем пустыре на самодельных футбольных воротах, как на турнике, и получится ли — непонятно. Ясно одно: не разожмет пальцы. Ни туда пока, ни сюда, и выбора нет.

Французы восхитились мальчиками в самой глубокой российской провинции, их свободой в моменте. Но мальчики зависли, они всегда вот так тут висели и висят: ни туда, ни

сюда. Пока для них всё не заканчивается. Пока не повзрослеют и не адаптируются. Или пока не погибнут. Или не окажутся в тюрьме.

Паша на обложке

...В Рудяном катили по пустым пространствам. Это главное впечатление — всё затапливающая пустота. Вот парк Победы с покосившимися, но свежевыкрашенными зеленой краской воротами. Носили, вспоминает Анна, сюда цветы, венки, бумажных голубей мира на палочках.

Когда Никиту перевели в малолетку в Канске, а потом во взрослую колонию Красноярска, свидания матерям — обеим — давали. И брату. Они приезжали. Матери, немного поговорив о грустном (о чем еще?), замолкали. Вступал Макс. И далее братья не могли наговориться, матерям уже слово не вставить. Хохотали до слез. Максим, бывало, и песню споет, и отстучит на

барабане. Предложил как-то по освобождении построить в Сухо-Ерше (почти обезлюдившая деревенька в Канском районе по тому же северо-западному тракту, что их родное Рудяное) анархо-коммунизм, а Никита вспомнил, как на суде прокурор прочитала вместо «марш Немцова» — «марш немцев», и трое подсудимых школьников еле сдержали смех.

Это были обычные дни Тани: вот она приютила (на несколько лет) Пашу, а наутро поехала «за знакомым». Тот не мог топить печь — еле ходил. Он говорит: «Мороз стоял, а горбыль пиленный, как стекло скользкий, и вот — падать надо, а ноги застряли, и тут уж одно из двух: или сломаю их, или выпрыгивать надо. Сгруппировался, выскочил, но ободрал ногу».

Показывает.

Жуть, усугубленная тромбофлебитом.

Таня и его перевозит к себе, лечит. Ну а мы знакомимся и разговариваем. Виктор Демин. Тоже интересный представитель глубинного народа. До этого на морозе ниже сорока стоял на главной площади Канска с плакатом на груди «Путину — дворец, народу — конец!» и убеждал ментов, что этот плакат — его верхняя одежда. И никак нельзя снять. И никуда он не уйдет: это его город.

И Таня тогда выходила на площадь с ним, и ее тоже забирали в полицию.

Потом Демин, когда трибунал осудит Никиту на пять лет тюрьмы, скажет громко и внятно ему, идущему к автозаку: «На колени никогда ни перед кем не становись! И будешь человеком».

Так и вышло, так и идет.

В таких трагедиях никакие причинно-следственные связи выстраивать нельзя: все они будут неверны, недостаточны, поверхностны. И здесь этих связей нет. И уж точно здесь, в истории родов Тани и Димы, не место публицистическому образу «русского креста». Так что одна констатация. В частности, того, что у русских всегда была отмазка. И гордость. И надежда на их женщин — «есть женщины в русских селеньях».

Но вот и они не выдерживают, ставят точку. Надеяться больше не на кого и не на что.

Разве лишь на то, что это не точка. Многоточие.

* В РФ признана экстремистской организацией и запрещена.